

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-4-16
УДК 81'42:82-32

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Шкрабкова И.В.¹, Немыка А.А.², Бойко Е.С.³
Кубанский государственный медицинский университет¹,
Кубанский государственный университет^{2,3}

Аннотация. Исследование связано с проблематикой лингвистических работ, выполненных в рамках текстоцентрического и аксиологического векторов современной лингвокультурологической научной парадигмы. Авторы проводят комплексный анализ русских прозаических текстов и определяют функциональную специфику их представления в иноязычной аудитории, делают выводы о характере лингвокультурной, межкультурной и междисциплинарной компетенции обучающего и обучаемого, способах оценки параметров сложности художественного текста и отбора текстового материала, включаемого в практику обучения русскому языку как иностранному.

В статье детально представлены различные методы и приемы, применяющиеся при активной интеграции художественного текстового материала в качестве учебного в практику преподавания русского языка как иностранного. Эти методы позволяют сделать более эффективной и целенаправленной работу с современным прозаическим текстом при обучении инофонов.

Ключевые слова: художественный текст, современная русская проза, русский язык как иностранный, лингвокультурный комментарий, прикладная лингвокультурология.

MODERN PROSE TEXT IN A FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE

Irina V. Shkrabkova¹, Anna A. Nemyka², Elena S. Boyko³
Kuban State Medical University¹,
Kuban State University^{2,3}

Abstract. The study is related to the problems of linguistic works carried out within the framework of textcentric and axiological vectors of the modern linguocultural scientific paradigm. The authors conduct a comprehensive analysis of Russian prose texts and determine the functional specificity of their presentation in a foreign-language audience, draw conclusions about the nature of linguocultural, intercultural and interdisciplinary competence of the learner and the learner, ways of assessing the complexity parameters of a fiction text and the selection of textual material to be included in the practice of teaching Russian as a foreign language.

The study presents in detail various methods and techniques used in the active integration of fiction text material as a teaching material in the practice of teaching Russian as a foreign language. These methods make it possible to make more effective and purposeful work with modern prose text in teaching inophones.

Key words: artistic text modern Russian prose, Russian as a foreign language, linguocultural commentary, applied linguoculturalology.

Введение.

Любой художественный текст служит транслятором этнокультурных смыслов определенного хронотопа национальной языковой картины мира. Его презентация иностранной аудитории вызывает определенные проблемы, обусловленные культурными различиями и стереотипами. По этой причине, авторам представляется более эффективным и рациональным зна-

комство обучающихся-инофонов с прозаическими литературными произведениями, требующими комплексного анализа и систематизации лингвокультурологических параметров.

Художественный текст может содержать множество языковых и культурных элементов, непонятных иностранным студентам. Поэтому важно проводить языковой и лингвокультурный анализ художественного текста, чтобы помочь

студентам их правильно семантизировать и затем активно использовать в практике речевого общения.

Важно и то, что работа с современным прозаическим текстом (значимая и с точки зрения его хронологической и социокультурной актуальности) способствует развитию межкультурной компетенции у студентов-инофонов. Этому активно способствует анализ культурных норм и ценностей страны изучаемого языка, работа с аутентичными материалами и развитие ассоциативных связей. Формирование межкультурной компетенции в обучении русскому как иностранному – это одна из важнейших задач в современном образовании, обучении студентов-инофонов. Для полноценного понимания другой культуры важно уметь интерпретировать аутентичные тексты на иностранном языке, в том числе художественные. В связи с этим, весьма актуально рассмотрение лингвокультурологических и лингводидактических параметров современного прозаического текста и их функционирования в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Это формирует систему развитых ассоциативных связей на изучаемом языке, улучшает необходимые интерпретативные навыки студентов при анализе различных типов дискурса.

Таким образом, обращение к изучению популярных текстов современной русской прозы (на примере романа Михаила Елизарова «Библиотекарь») в иностранной аудитории эффективно для развития языковой и лингвокультурной компетенции, а также для формирования межкультурной компетенции у студентов-инофонов [3].

Обсуждение.

Информация содержательно-концептуальной направленности наиболее точно раскрывает читателю авторскую позицию, непосредственно или опосредованно связанную с базовыми концептами его аксиосферы.

Концептом в лингвокультурологии считаются такие ментальные смыслы, которые обладают семантической отдельностью, национально-культурной маркированностью. Они зафиксированы в языке словами, фразеологизмами, паремиями.

Лингвокультурными концептами считаются базовые понятия менталитета того или иного народа, которые соединяясь образуют концептосферу, выраженную лингвистически

культуремами и словами с национально-культурным компонентом.

Лингвокультурные концепты соответствуют базовым оппозициям, определяющим картину мира (соборность, подвиг, совесть и т.д.). Как следствие, важнейшими измерениями концепта будут образные, понятийные и ценностные составляющие. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания.

Е. М. Верещагии и В. Г. Костомаров в своих работах по лингвострановедению предложили и реализовали идею соизучения языка и культуры. С их точки зрения, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [1 с. 4].

В рамках проводимого исследования, нам представляется актуальным обращение к работам С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.А. Масловой и других современных исследователей теоретической и прикладной лингвокультурологии [2; 4; 5; 6].

Лингвокультурологическая интерпретация основывается на рассмотрении художественного текста с точки зрения феномена речи, языка и культуры. Они отражают ментальность носителей языка, а также их национальную языковую картину мира, предполагая выявление этноспецифической информации, а точнее представлений, знаний, фактов, реалий, речевых формул, которые относятся к конкретной культуре. Именно поэтому при лингвокультурологической интерпретации художественный текст является аккумулятором информации, содержит сведения о культуре народа, его быте и нравах.

Результаты.

Анализ лингвокультурных особенностей текста романа Михаила Елизарова «Библиотекарь» и способов их репрезентации студентам-инофонам позволяет говорить о целесообразности его использования в процессе обучения русскому языку как иностранному. Например, книги Громова, главного героя, бесследно исчезли, «когда политические катастрофы разрушили советскую Родину». Данные слова сразу свидетельствуют не только о распаде Советского Союза, но и передают индивидуально-авторское отношение к этому событию: Родина

перестала существовать в том понимании, которые было привычно для людей до перестройки, а новая Родина еще не сформировалась, и люди не воспринимают страну именно как ту Родину прошлого, что создает непростую коллизию.

Образ Громова в «Библиотекаре» выполняет функцию транслятора советского дискурса, а его творчество становится практически открытой его персонификацией. Соответственно, библиотеки, стремящиеся к собиранию громовского наследия и овладению им, оказываются способом реконструкции и осмысления определенного дискурса. В романе выстраивается история библиотек, которая косвенно моделирует исторический ракурс становления и функционирования отдельной части всей культурной парадигмы того периода. В этом случае, особую значимость приобретают четыре библиотеки - Лагудова, Шульги, Моховой и Вязинцева, которые соответствуют четырём периодам русской политической истории.

Герой романа Лагудов, для которого «тема опоздавшего на войну солдата» была большой в течение всей жизни, не успел поучаствовать в военных действиях. Именно на данном факте автор акцентирует внимание, видя, по нашему мнению, в этом причину его жестоких поступков, его мнению о себе как об исключительном человеке. Мнимая исключительность Лагудова давала ему право (в собственных глазах) не только распоряжаться Книгами, но и принимать решения, которые касаются жизнью других людей. Лагудов мнил себя хозяином громовского книжного мира, так как всю жизнь тем самым возмещал свою неуверенность.

Акцентируя внимание читателей на том факте, что в битвах между библиотеками использовались в качестве оружия предметы быта, автор отчасти отправляет читателя к истокам, к первым битвам «за правду и свободу» в истории России. И в то же время, в этих словах слышится ирония по поводу того, что в конце 20 века люди, которые должны были быть объединены общей идеей и занимающиеся по факту одним и тем же делом, собрались ради кровопролитной битвы за обладание книгой.

Особой внимание стоит уделить главе «Книга Памяти», в которой главный герой под воздействием эффекта книги окунается не в свое детство, а в вымышленное. Здесь текст представляет собой однородную композиционно-речевую структуру, включающую воспоминания героя. Этот образ детства является идеальным,

ассоциации с которым имеет каждый человек, выросший в советское время и на постсоветском пространстве. Это, в некоторой степени, ностальгия автора и по утраченной счастливой жизни.

Лингвокультуры, называющие детские песни, «Прекрасное далёко», «Крылатые качели», колыбельная Белой медведицы для Умки, «Луч солнца золотого», просьба девочки «оленья умчат в волшебную оленью страну», рвут сердце рассказчика. И это рвение он сравнивает с выпущенной из теплых ладоней птицей. Птица – еще одна лингвокультура, символизирующая свободу, легкость, мир над головой, добрую, чистую душу – такие важные концепты для русского человека.

Примечательно, что птица выпущена именно из теплых рук. Теплые руки символизируют образ матери, хранительницы очага, заботящейся о своих детях, дарящей им защиту, радость и счастливое детство, но в то же время способной отпустить своих чад во взрослую жизнь.

Такие лингвокультуры можно поделить на группы согласно временам года и праздникам, к которым они относятся:

- Новый год (хороводы, подарки, катание на санках, тьякающий щенок, каток, игра в снежки);

- 8 марта (проталинки, ручейки, ландыши, щебечущая скворцами весна);

- майские праздники 1 и 9 мая (транспаранты, полет на отцовских плечах).

Летние месяцы характеризуются такими лингвокультурами, как поле одуванчиков, облака, дрожь озера с камышами, серебристые мальки, стрекозы.

Лингвокультуры, относящиеся к школьной тематике: ранец, цветные карандаши, пропись, первая учительница, дневник, пятерка за чистописание, чудно пахнущий учебник по математике, любовная записка.

С явлением пионерского лагеря связаны такие топонимы, как Черное море и Карагад – самые желанные места для посещения пионеров.

Совокупность представленных в данном художественном отрывке лингвокультур создает идеальный и всеми желанный образ детства, вызывают ностальгию. Этнокультурную значимость данного отрывка сложно переоценить, так как явления, характеризующие социальную и культурную действительность России

периода 1960-1990-х годов, представлены здесь в достаточно большом количестве.

Определяющей чертой образа книги у М. Елизарова является амбивалентность.

С одной стороны, книга предстает в сакральном ореоле, воспринимается персонажами как святыня. Перед боем книги выносят «закрепленными на шестах, как хоругви», что ассоциируется не только с воинской, но и с религиозной традицией (как известно, хоругви с изображением Иисуса Христа, Богородицы или святых являются символом победы христианской церкви, их выносят во время крестного хода). Персонажи «Библиотекаря» нередко сравнивают книгу с иконой. «Все правильно, – сказала она (Маргарита Тихоновна). – Вот есть намоленные иконы, а есть начитанные Книги, как наша».

С другой стороны, книга выступает в роли идола, требующего все новых и новых жертв. Она дает право безнаказанно отнимать жизнь у себе подобных, что в христианстве считается самым страшным грехом. Адепты Громова ради обладания книгой переступают через мораль, нравственные нормы. Их жажда власти, уверенность в избранности, жестокость становятся нормой поведения. Возникает уродливый симбиоз антихристианской природы книги и звериной сущности человека. Главным объектом вожделения почитателей таланта умершего писателя становится «сулящая невиданные блага» Книга Смысла, которая должна дать глобальный результат, привести ее читателей в «состояние богоподобия».

Данное наполнение образа книги отсылает читателя к мифологической традиции, в которой текст наделялся особым статусом.

Соединив в архетипическом образе духовное и телесное, высокое и низкое, сакральное и бытовое, М. Елизаров довел до абсурда представления об обучающей, воспитательной роли книги, о библиотеке – вместилище мудрости.

В отношении библиотеки Моховой наблюдается последовательная реализация мифологемы материнства. Так, сначала сама Елизавета Мохова проходит обряд удочерения всеми старухами. Мотив коллективного материнства звучит и в финале, когда в дом престарелых попадает единственный мужчина – Алексей Вязинцев, главный герой романа. Архетип Матери реализуется лингвокультурами: мамки, старухи, сельская жизнь. Старухи наде-

ляются качествами, по обыкновению ассоциирующимися с феминностью: заботливость, верность, взаимовыручка и взаимопомощь.

Лингвокультура «униженная новым временем интеллигенция», люди второго сорта, классовая тоска наряду с новыми блатными и ворами в законе помогают понять и выявить особенности менталитета человека переломной эпохи рубежа веков, его потерянность в условиях новой реальности, неспособность интегрироваться в общество со своими умениями и навыками. Такие люди не смогли адаптироваться к устройству постсоветской России и на страницах романа нашли свое спасение в прозрачной гонке.

Криминальный жаргон особенно часто используется, если участие в событиях принимает герой Шульга: чушок, шнырь, обиженные, козлы, эски, жилуха, промка, строгащ и другие. Примечательно, что все эти лексемы даны автором в кавычках, что характеризует героя как человека, не принадлежащего к данной социальной группе, а лишь случайно оказавшегося в таких условиях жизни.

Некоторые лексемы тюремного жаргона в девяностые годы 20 века в ходе быстрой демократизации языка и введения жаргонизмов в разговорную речь даны не в кавычках: бык, блатные, крыша, беспредел, авторитет.

Данное различие в написании демонстрирует изменения в общественно-политической ситуации, что приводит к интенсивной интеграции уголовной и нецензурной лексики в активную коммуникацию. Отсутствие кавычек у некоторых жаргонных слов свидетельствует о том, что данные лексемы сегодня уже стали частью жаргона, используемого многими. Данный факт является лингвокультурологической специфической особенностью, свидетельствующей о криминализации народного самосознания.

Крылатые выражения и фразеологические обороты, связанные с боевым прошлым России «иду на вы», рядом «мертвые сраму не имут», смертельный бой отражают концептуальный мотив русского менталитета: оправдана только та война, которая посвящена освобождению Родины от захватчиков, только она благородна и оправдана.

Данная интерпретация объясняется историей происхождения поговорок. «Иду на вы» – выражение, означающее идти войной на врага. Согласно летописям, Святослав Игоревич пре-

дупреждал данной фразой кочевников, собирающихся напасть на приграничные города Древней Руси. «Мертвые сраму не имут» – также слова Святослава Игоревича, означающие, что смерть в бою всегда почетна и произнесенные перед битвой с греками. Выражение «смертельный бой» появилось гораздо позже, во время Великой Отечественной войны и символизирует смерть во имя освобождения Родины от захватчиков.

Обилием фразеологизмов и крылатых выражений отличается глава «Отрочество, юность, молодость», аллюзией возвращая читателя к классической трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Структурно глава построена как роман-воспитание, что также интертекстуально. Герой Елизарова, как и герой Толстого, повествует о своих взлетах и падениях, успехах и неудачах.

Фразеологизмы: без страха и упрёка, за тридевять земель, скрепя сердце, проку было немного, с незапамятных времен, за пазухой, звездный час, шли ко дну вместе с капитаном, души не чаять, плевать хотел, тихая гавань, подарки судьбы, ударила рублем. Их обилие в данной главе стилистически подчеркивает непринужденность повествования, ироничность героя над самим собой. Ярким примером будет такой отрывок:

«К четвертому курсу пелена спала с глаз. Был намечен запоздалый план спасения – перевестись с дневного факультета на заочный и немедленно устроиться в студенческий клуб. Стремглав побежал я в мою осмеянную альма-матер просить места – и опоздал.»

Уездность города главному герою нравится. Приятен и привычен для него экстерьер советской эпохи (площадь с памятником Ленину, сквер с монументами, посвященными Великой Отечественной войне). Свидетельства новой эпохи «лихих девяностых» – ларьки с аляповатыми надписями портят «купеческую благодать», не вписываются в общий пейзаж, они чужие, лишние. Здесь прошлое гармонично, по церковному благостно, и чужие капиталистические ларьки нарушают размеренность и упорядоченность жизни.

Лихие девяностые завлекают в вихрь героев романа, которые стремятся заполнить дыру, образовавшуюся после утраты Родины.

Образы новых людей девяностых полны национально-культурных атрибутов того вре-

мени: ярко-черные зализанные волосы или лысость, «ушляя» улыбка, руки в карманах кожаного пиджака, молчаливость, разбрасывание деньгами, «зеленые» в значении долларов.

Но фоне этих образов противопоставлением является люди старого порядка: приземистость, дачница в косынке, простота одежды, открытость, широта улыбки.

Проанализировав приведенные лингвокультуремы, можно сделать вывод о том, что лейтмотивом всего произведения является тема безвозвратной утраты прошлого, утрата Родины в привычном для русского человека понимании.

Книги, вокруг которых и происходит все действие в романе, это не только носители информации и сюжетов. Книги в романе – символ основы русской культурной традиции, а вместе с ней ценности и смыслы, присущие зрелой культуре. Именно книга формирует концептуальную сферу русской сначала православной, а потом и советской культуры, центральными понятиями которых являлись добро, правда, духовность, честь, защита Родины, солидарность и взаимовыручка.

Эти концепты настолько устоялись в русской культуре, что стали обыденностью, привычной частью жизни человека, которые он даже не замечал, они существовали на подсознательном уровне русского народа. Стали базовыми понятия менталитета.

Сам автор романа «Библиотекарь» в аннотации к роману говорит, что книги Громова символизируют «добрую Память, гордое Терпение, сердечную Радость, могучую Силу, священную Власть, благородную Ярость и великий Замысел». Именно этими категориями мыслит автор и его герои.

Автор противопоставляет нового человека девяностых, ориентированного на рыночность, деньги, успешность тому маленькому гражданину, который живет согласно канонам русской национальной культуры.

Ностальгия по советскому детству красной нитью проходит через весь роман. Символами советской эпохи полон роман: детские песни, пионерские и студенческие атрибуты, бытовые детали, заунывные, скучные пейзажи, наполненные простой «бедной» природой средней полосы России.

Фактором, который объединяет причастных к громовскому миру, становится неумение вписаться в постсоветскую реальность, отчуж-

дённость от неё. Единственный для героев способ самоидентификации – обретение прошлого; единственный способ обрести прошлое – поиск и чтение Книг. Дающие гарантированный неотложный эффект, Книги создают у громовцев ощущение упорядоченной действительности и власти над прошлым. Формальный контроль над ним достигается за счёт добычи громовских романов и последующей их каталогизации и распределения с помощью систематизированного мира библиотек. Однако контроль над Книгами перерастает в зависимость от Них – срабатывает закон предопределения. Читатели, оказавшись в замкнутой системе библиотеки, обречены жить по её законам. Покинуть библиотеку на практике возможно исключительно через смерть. Власть над прошлым оборачивается властью прошлого.

Но важно отметить, что феномен ностальгии по советскому времени проецируется за счет набора символов, образов и штампов. На основе данного сочетания и образуется некое мифологизированное восприятие прошлого.

Громовские романы – собирательный образ соцреалистических произведений, а сам их автор, лишённый ярких индивидуальных черт, является словно моделью советского писателя: «Громов – это безобидный словесный мусор ветерана войны, в котором общественность не особо нуждается, но и не имеет ничего против его существования».

Собрать книги необходимо, чтобы избранный герой – библиотекарь – читая их, защищал страну от всевозможных угроз: книга воспринимается как предмет, обладающий сверхъестественной силой. Вынесенные в заглавия книг положительно маркированные концепты в контексте общей художественной картины, меняют вектор интерпретации на отрицательный, что, однако, не мешает герою обрести могущество: «Тот, кто читает Книги, не ведает усталости и сна, не нуждается в пище. Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига. Этот чтец – бессменный хранитель Родины. Он несет свою вахту на просторах мироздания. Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна. Таков был Замысел Книг». Библиотекарь не просто владеет книгой, а обязательно читает ее, практически не останавливаясь. Библиотекарь, хранитель книг, таким образом, выполняет особую миссию: «Но есть тайный человек, владеющий сокровенным Семикнижием. Ему известно – куда читаются

Книги, одна за другой, без перерыва, страшный Враг бессилен» [26, с. 216]. Разрушающая сила книг проявляется, с одной стороны, в их влиянии на жизнь человека (главным образом, Алексея Вязинцева, который становится «библиотекарем» против своей воли); с другой стороны, в сюжетном элементе – «битвах читален», которые М. Елизаров описывает с натуралистической точностью.

Но люди, всей душой сохраняющие национально-русские концепты: добро, правду, духовность, честь, защиту Родины, солидарность и взаимовыручку – самозабвенно гонятся за призрачными мифическими книгами, жестоко расправляясь с теми, кто встает у них на путь.

Подтекстово и концептуально значимой является последняя глава романа «Хранитель Родины». Именно она логично завершает повествование и подводит итог философским размышлениям автора.

Автор закольцовывает повествование, начиная историю главного героя с воспоминаний и его вымышленном детстве и заканчивая подобными зарисовками.

Заточение героя в Доме престарелых, его непрекращающееся чтение громовских романов и идея, выраженная самим Вязинцевым: «Если свободна Родина, неприкосновенные ее рубежи, значит библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной от врагов видимы и невидимых.» Здесь библиотекарь – символ хранителя мира, в данном случае своей Родины, пусть в его понимании утраченной. Но герой несет свою вахту вопреки.

Роман заканчивается образом «зеленой лампы» – символа свободы, воли и стремлений. Вот только герой заточен. И в этом неоднозначность финала.

Таким образом, лингвокультура содержания фактуально-фактуального характера не только содержат факты действительности и называют исторические события, но и раскрывают идеи и концепцию произведения, способствуя его лучшему осмыслению и пониманию обучающимися, в том числе и инофонами.

Заключение.

Единое определение термина «слова с национально-культурным компонентом» еще не сформулировано. Ученые используют различ-

ные обозначения данной группы слов: лингвокультура, культурно-специфические слова, культурные универсалии, лингвокультурные коннотации и др. Классификация данной лексики исследователями тоже неоднородна. Лингвокультурологический подход к анализу художественного текста помогает интерпретировать отдельное произведение определенного писателя с точки зрения рассмотрения всего его творчества как языкового единства, в котором картина мира и мировоззрение формируются с помощью языковых средств.

Использование художественных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному играет важную роль, так как позволяет раскрыть специфику русской художественной картины мира, значимые этнонациональные особенности страны в целом.

В романе Михаила Елизарова «Библиотекарь» содержится большое количество слов с национально-культурным компонентом значения.

Лексика с национально-культурным компонентом содержательно-фактуального плана репрезентирует исторические особенности происходящих в романе событий, подчеркивает их этнокультурную значимость.

Лексика с национально-культурным компонентом содержательно-концептуального

характера раскрывает читателю авторскую позицию и его отношение к явлениям действительности.

Благодаря лексике с национально-культурным компонентом содержательно-подтекстового характера представляется лейтмотив всего произведения – ностальгия по советскому прошлому страны.

Материал, проанализированный и классифицированный в данном исследовании, можно применять в качестве демонстрационного и иллюстративного на занятиях по стилистике, лексике, лингвокультурологии, русскому языку как иностранному.

Исследуемый в работе лексический пласт языка обладает мировоззренческим, духовно-нравственным, ценностным потенциалом, и этот факт увеличивает его значимость в решении лингвокультурных и лингвострановедческих задач.

Таким образом, исследование показало, что использование художественных текстов в обучении русскому языку как иностранному способствует формированию межкультурной компетенции у студентов, что помогает им более эффективно взаимодействовать с представителями других культур и успешно адаптироваться в многонациональной среде.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Верещагин, Е.М. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного* / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., М.: «Русский язык», 1990.
2. Воркачев, С. Г. *К апологии лингвокультурного концепта* / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, избранные работы по теории лингвокультурного концепта, 2013.
3. Елизаров, М. *Библиотекарь*. / М. Елизаров. - М., 2008.
4. Карасик, В. И. *Языковая матрица культуры* / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2013.
5. Маслова, В. А. *Лингвокультурология* / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001.
6. Немыка, А.А. *Единицы языка для специальных и художественных целей* / А.А. Немыка. - Краснодар, 2013.

References:

1. Vereshchagin, E.M. *Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language* / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. – 4th edition, M.: “Russian language”, 1990. – 269 p.
2. Vorkachev, S. G. *Towards an apology for the linguocultural concept* / S. G. Vorkachev. – Volgograd: Paradigm, selected works on the theory of linguocultural concept, 2013.
3. Elizarov, M. *Librarian*. / M. Elizarov. - M., 2008.

4. Karasik, V.I. *Language matrix of culture* / V.I. Karasik. – Moscow: Gnosis, 2013.

5. Maslova, V. A. *Linguoculturology* / V. A. Maslova. – Moscow: Academy, 2011.

6. Nemyka, A.A. *Units of language for special and artistic purpose* / A.A. Nemyka. - Krasnodar, 2013.

Информация об авторах:

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», email: annemyka@yandex.ru

Шкрабкова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет», Россия, email: anemyka@yandex.ru

Бойко Елена Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», email: annemyk@yandex.ru

Anna A. Nemyka, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University.

Irina V. Shkrabkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics, Kuban State Medical University, Russia.

Elena S. Boyko, Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University.